

ПЕРСОНА

Как хорошо, что я дозвонилась. Скажите, пожалуйста, Зураб Константинович, все говорят о вашем творчестве. А мне интересны ваши друзья. Много ли их, сохранили ли старых, как вместе прошли по жизни?

— Друзья у меня даже с детского сада и школы. У нас разные профессии. Вы наверняка знаете, как живут в Грузии. Это как большой двор, где дружно живут люди разных национальностей и профессий. Когда у меня было открытие выставки, многие приехали из Тбилиси. К сожалению, многие уже ушли из жизни. Друзья очень помогают.

— Скажите, вы довольны, как прошла выставка, удовлетворила ли она вас?

— Я доволен, потому что эта выставка продемонстрировала объективность москвичей. Очень много хороших отзывов, разных мнений. Есть и плохие, но положительных значительно больше. Эти отклики на выставку я, безусловно, соберу и издам.

— Повезло ли вам с учителями или вы считаете, что добились всего собственным талантом?

— Первую роль в моей жизни сыграли педагоги. Некоторые из них жили за границей, потом вернулись. Это были известные художники — В. Шухаев, И. Шарлемань, У. Джапаридзе, Э. Ахвледиани, Е. Лансере и др., которые создали блестящую Академию в Тбилиси.

— А сами вы преподаете?

— Нет, сейчас не преподаю. Раньше в Тбилиси преподавал. Времени очень мало. Даже сейчас, когда с вами разговариваю, не перестаю рисовать.

Зураб Константинович? Я — военный пенсионер, Григорьянц Георгий Рубенович. Мне очень нравятся ваше творчество. Москва стала богаче благодаря вам. У меня предложение. В Парке Победы скульптура — Ника и парящие ангелы... Если бы позолотить всю композицию: и богиню, и ангелов, — смотрелось бы лучше.

— У меня по проекту было предусмотрено покрытие сусальным золотом. Этот вопрос еще стоит.

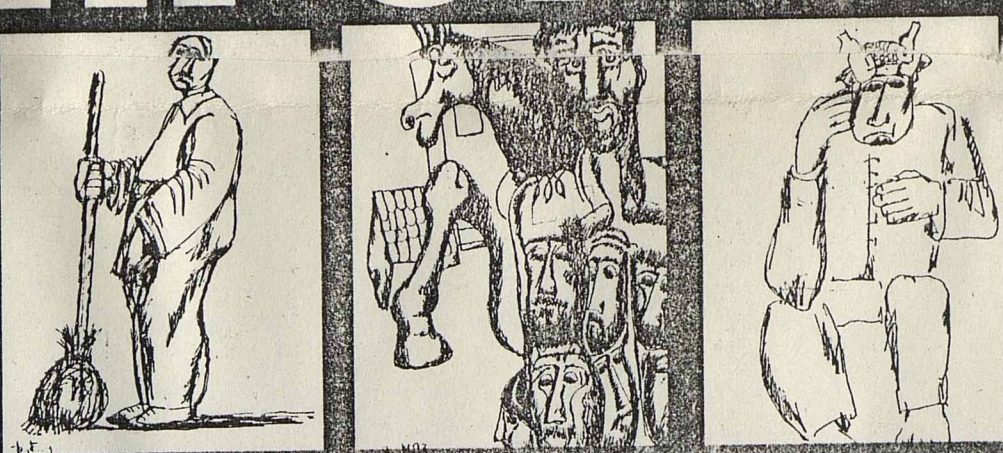
Добрый вечер, Зураб Константинович. Мой семья — мой муж доктор наук, профессор. Я сама имею художественное образование. Мы ваши поклонники. Дай Бог вам здоровья. Мы считаем вас талантливейшим человеком. Спасибо вам огромное. Скажите, пожалуйста, вас так мерзко чернили в газетах, говорили такие гадости, почему вы не бросили все, не уехали отсюда?

Фото Андрей Егорьев

ЗУРАБ ЦЕРЕТЕЛИ:

ПРОРАБ

ПО НАТУРЕ

— Во-первых, Москва на меня хорошо действует. Я люблю ее. Работаю в Москве более 30 лет и смотрю на все реально. Во-вторых, еще в детстве бабушка, одевая на меня крест, сказала одну христианскую истину, если тебя ударят по щеке — подставь другую. Но думаю, что ругань в мою сторону можно расценивать и иначе. В 1979 году мы вместе с Сальвадором Дали и его Галой были в Организации Объединенных Наций и пили там в кафе кофе. Сальвадор Дали заметил, что последнее время его никто не ругает, наверное забыли...

— Я не верю, что те, кто ругал — полюбят. Ваши ученики — люди очень низкой культуры, и мне было ужасно обидно, что любимый "Московский комсомолец" печатал такие вещи.

— У каждого свои враги.

С вами говорит скульптор Куприянов Яков Николаевич. Зачем таких два больших объекта было делать рядом — храм Христа и Петр. Для Петра лучше бы другое место...

— Это место по Генплану развития Москвы было давно запланировано для монумента. Здесь собирались поставить скульптуру В. Мухомовой. Проектный институт предложил мне это место для памятника Петру.

— Ваше мнение, сам Храм Христа удачен? — Он расположен в святом месте. Сам храм гармоничен по объему, а благодаря облицовке из белого камня, он хорошо работает в пространстве, особенно, когда солнце и чистое небо.

— По телевизору видел вашего Колумба в Испании. Парус, по-моему, там решен удачнее, чем петровский парус в Москве...

— Можете быть. Знаете ли вы, как трудно делать скульптуру... Это разные пластические решения, у них разные ветровые нагрузки.

— Близи мне Петр больше нравится, там много красивых деталей. Но издали он все так теряется на фоне махты. И сама фигура издали не читается...

— Сегодня времени нет, а завтра пойду и посмотрю вашими глазами...

Слава Богу, дозвонился. О себе коротко. Виктор Анатольевич Тихонов, москвич. Спасибо вам за памятник России. Я говорю о Петре Первом. Но зачем вы сочетаете свою творческую работу с общественной? Есть ли у вас, как у других художников, своя школа? Ваш талант не должен кануть, должны быть люди, которые пойдут за вами.

— Творческую работу я веду в мастерской. Общественную — в Российской Академии художеств. Там тоже творческий дух и много творческих планов и идей. Пока они у меня есть, я буду продолжать работать и помогать художникам, сколько могу, а когда идей не будет, уйду... В Тбилиси у меня была мастерская в Академии художеств, где преподавал. В Москве такого нет, но, наверное, в скором времени в Суриковском институте открою кафедру. Хочется передать молодому поколению художников свой опыт работы по эмали, применительно к монументальному искусству и по росписи на мокрой штукатурке.

Зураб Константинович, я коренная москвичка, но творчество ваше я никак не воспринимаю.

— Мне жаль.

— Но Москву, мне кажется, не украшают ваши произведения.

— Что делать, если вы так думаете, что делать...

— Не надо ничего делать. Ваяйте Грузию, чего вы нашу Москву ваяете.

— Я работаю там, куда меня приглашают. Я не виноват, что мою скульптуру выбрали и установили перед зданием ООН в Нью-Йорке. По сегодняшний день идут приглашения и предложения работать, и я работаю во многих странах мира. Жаль, что вы оказались в меньшинстве.

Зураб Константинович, это студент университета. Вас избрали президентом академии, хотелось узнать, что академия собирается делать в ближайшее время, и вообще — нужна ли такая структура, как Академия художеств.

— 240 лет тому назад Елизавета осуществила мечту Петра I — создала Академию Художеств. Современная Академия состоит из учебной и научной части. В ее структуру входят ведущие художественные вузы в Москве — Суриковский институт, в Петербурге

Творчество — это всегда политика. Это зависть недругов и спавословие друзей. Интриги, неприязнь и людскую благодарность — все сполна познал Зураб Церетели. Его таланту, мужеству и способностям можно только удивляться. Он стал самым деятельным монументалистом нашего времени. От замысла до воплощения он может довести любую идею. Кажется, для него нет невозможного. Но его кипучей натуре этого мало. И вот он уже президент Российской Академии художеств, посол Доброй Воли ЮНЕСКО, член-корреспондент Королевской Академии Изящных Искусств Сан Фернандо в Мадриде, лауреат премии Пикассо, профессор Брокпортского университета изящных искусств в США, награжден высшей медалью Парижа "Верней" и прочая, прочая... Под его эгидой в апреле в Москве соберутся послы Доброй Воли — известные люди из разных стран. Это попытка нетрадиционной дипломатии. Но главное в Церетели не то, что он многое пытается сделать, а то, что почти все им задуманное воплощается в жизнь. Об этом и многом другом Зураб Церетели говорит в прямой линии с читателями "МК". Вчера художнику исполнилось 65 лет.

— Релинский и лицей при каждом из них. В Москве при академии действует научно-исследовательский институт искусствознания. В Санкт-Петербурге у нас — 14 музеев и уникальная научная библиотека. Кроме того есть отделение, объединяющее Сибирь и Дальний Восток, а недавно мы открыли в Саратове филиал академии и лицей для одаренных детей. Можно много говорить и о выставочной работе...

— А может, тогда не нужны никакие другие общества и Союз художников не нужен?

— Союз художников — это общественная творческая организация, а академия — государственная.

— Получается, государственная организация будет диктовать свою политику?

— Не политику, а искусство. Академия занимается развитием русской классической школы. Ее выпускники впоследствии становятся членами общественных творческих объединений — Союзов художников. Профессиональное, грамотное искусство — это богатство России.

— А если молодые художники хотят представить свои работы на суд академии, как это сделать?

— Для них мы сейчас открываем выставочные залы. На Петровке, 25, создаем современный музей. Подобного в России еще не было. На Пречистенке, 21, когда закончится ремонт, будет огромная галерея выставочных залов, где найдется место и для молодых. Так что, если вы зайдете в академию, сможете увидеть, что она делает.

С вами говорит Инна Семеновна. Я 30 лет после института прожила на Камчатке, потом переехала сюда, в Зеленоград. Я была на вашей выставке, я вам бесконечно благодарна за ту какую-то необыкновенную светлую грусть. Может быть, она оказалась в унисон всем моим бедам. Я похоронила близкого человека, было очень тяжело. Все слезы, которые у меня были, я их там выплакала. Вам большое спасибо за ваши картины, за все, что вы сделали.

— Спасибо, большое спасибо.

— Зураб Константинович, а не будет ли бесконечным нахальством, если я приглашу вас на камчатские пельмени?

— Спасибо, с удовольствием отведаю.

Зураб Константинович, мне зовут Ира, я преподаватель пения. Сколько ваших работ в других странах мира?

— У меня три большие скульптуры стоят в Америке, начиная четвертой — Колумба. Есть работы в Париже, Токио, Бразилии, Португалии, Сирии, Испании и других странах. Если у вас будет желание, и вы зайдете в Академию Художеств, я вам подарю книгу, там все есть.

Зураб Константинович, здравствуйте, скажите, пожалуйста, как вы считаете, в настоящее время Академия художеств может стать таким центром культурной жизни, каким была при Екатерине или Елизавете?

— Думаю, мы можем добиться даже большего. В России так много талантов и так интенсивно развивается российская школа. Богатств у нас не меньше, чем в екатерининскую эпоху. Огромную роль в развитии искусства играет современная наука, новые, раньше неизвестные технологии и материалы. Особенно это важно для монументального искусства.

— Я посещала несколько раз вашу выставку в Манеже. И теперь с нетерпением буду ждать вашей академической выставки, вы будете там участвовать?

— Да, безусловно, буду.

Можно задать господину Церетели два вопроса? Я коренная москвичка, Зинаида Сергеевна. Ваше творчество и ваше имя стали мне известны только в последнее время. С какого времени вы работаете и живете в Москве?

— В Москве я давно — 30 лет. Во время Олимпиады-80 был главным художником. Делал гостиничный комплекс "Измайлово", гостиницу "Спорт", спортивный комплекс "Битца", венгерское торговое представительство, участвовал в создании Хаммеровского центра, поставил монумент "Дружба навеки". Кроме того у меня много работ по России — в Ульяновске, Сочи, Адлере и других городах.

Добрый день, Зураб Константинович. Я довольно хорошо знаю ваше творчество, потому что люблю грузинское искусство. Для меня оказалось неожиданным, что ваша скульптура на выставке сюжетно связана с графикой и эмалью. Более того, даже мотивы, которые есть в графике и эмали, есть и в живописи. Скажите, с чем это связано?

— Я живописец-станковист. С 60-х годов я экспериментировал, увлекся работами в других техниках — мозаике, эмали, травлению по металлу, выколоте на меди и т.д. Ведь каждая техника диктует свои законы. Очень интересно работать. Постоянно находить другие выразительные возможности, варьируя одну и ту же тему. Живопись — это мое Я, и во имя живописи, от стремления к созданию нового живописного языка — я считаю важным работать в любом материале, в любой технике.

Редакция "МК"? Ой, Зураб Константинович, как приятно слышать. Я слышала, что вы знали Высоцкого?

— Да, мы были друзьями. Могу рассказать историю. Когда он женился на Марине Влади, свадьбу они играли в арендованной квартире на Котельнической набережной. Там собрались Саша и Лилия Митта, Андрей Вознесенский, Зоя Богуславская, Юрий Любимов. Денег не было, в магазинах пусто. Купили только несколько бутылок шампанского. Лилия Митта сделала яблочный пирог. У меня такой характер, как будто бы я был виноват, что у нас такая жизнь, такая скромная свадьба. Поэтому и предложил улететь в Тбилиси, там у меня было больше возможностей. И мы улетели на две недели. Это была, можно сказать, не только свадьба, а народный праздник. Так полюбили в Тбилиси Высоцкого и Марину. Это были уникальнейшие дни и вечера. Как соревнование: Высоцкий поет, играет, Марина смеется. Были дома у художника Л. Гулиашивили. Он много рассказывал о своей парижской жизни и различные истории про отца Марину Влади, о которых Марина и не знала и от радости плакала. Много можно было бы вспомнить и рассказать, но времени мало.

— Зураб Константинович, я была на вашей персональной выставке. Вы посвятили ее вашей супруге, Инессе. Вы не могли бы о ней что-нибудь рассказать?

— Она была очень добрая, очень красивая и всегда помогала мне.

— А можно поподробнее?

— Поподробнее... Она женщина, которая создала с помощью Зураба уникальную девочку, с которой я не расстаюсь.

Алло, Зураб Константинович. У меня очень большая семья — у нас двое детей. Мы вас любим. А что академия делает для детей?

— В Москве и Санкт-Петербурге хорошие художественные лицеи, где учатся талантливейшие дети. Это наша гордость. Ну что еще можно сказать? Идет проектирование уникального парка чудес для детей. Это многоцелевой парк, он особенный и не будет повторять уже существующие зарубежные парки.

Хочу обратиться к вам как к президенту Академии художеств. Известно, что академия участвует в воссоздании храма Христа Спасителя. Очень много публикаций на этот счет, они очень противоречивы. Можете сказать, что там сейчас происходит?

— Как раз сегодня на строительстве был патриарх и внимательно смотрел, как идут работы. Патриарх часто приезжает на Храм. Он благословил нас на это святое дело. Сейчас в работе на Храме принимает участие 375 художников. Сроки крайне сжатые. И художники ответственно подходят к порученному делу. Работа идет активно.

— Скажите, а как вы относитесь к таким художникам, как Глазунов, Шиллов?

— Александра Шилова и Илью Глазунова я ценю. Они профессионалы и любят свое дело.

Здравствуй, Вера Васильевна с вами говорит. Я прохожу несколько раз в день мимо вашей стелы на Тишинской площади. Мне очень интересно, как ее строили?

— Она собрана из русских и грузинских букв древнего и современного алфавитов. Выполнена из меди. Есть там и текстовая нагрузка: стихи русских и грузинских классиков, стихи русских поэтов о Грузии и грузинских — о России. Там строки Пушкина, Лермонтова, Грибоедова и даже художника Репина. На одном из картелей я дал стихи Бориса Пастернака в то время, когда о нем и слова сказать было нельзя. Московская интеллигенция, многие писатели тогда благодарили меня.

— Еще вопрос. "Трагедия народов" — мне нравится этот монумент, очень жаль, что его поставили за центральную экспозицию, а нельзя ли его перенести к новой синагоге? Там бы он лучше смотрелся.

— Мне как автору нравится, где он сейчас стоит. Хорошо стоит. Сначала по сценарию задумывалось выстраивать ансамбль от трагедии к победе. Но, я думаю, правильно сделали, что его перенесли в парковую часть.

Вас беспокоит москвичка Маргарита Васильевна. Хочу пожелать вам всего самого доброго, а главное — прожить как Буденному до 91 года. Я не специалист: не архитектор, не художник, ничего не могу сказать хорошего, плохого — тем более. Мне все нравится. Когда гуляю на Поклонной горе, люблюсь вашим творчеством. Я вообще влюблена в Грузию... Тбилиси.

— Спасибо.

— Мой брат — великий футболист Лев Яшин. Он всегда говорил: "Люблю, когда комментирует Махарадзе".

— Передам, обрядую его. Когда Лев лежал в больнице, я нарисовал его портрет и отдал ребятам грузинам, которые специально ехали в Москву к нему в больницу. Они передали ему этот рисунок.

— Я думаю, что у вас все будет хорошо. Грузию мы любим, любим и ваше гостеприимство, и ваши хинкали. Лев перед смертью говорил — "Знаете, как я вам всем завидую — только бы пожить". Поэтому я вам желаю — живите, как на фронте, день за три.

— Спасибо.

Зураб Константинович, на вашей выставке мне запомнилась скульптура матери Терезы.

— Ну очень, очень рад.
— Вы были с ней знакомы?
— Да. Она приезжала в Тбилиси, я ее рисовал. Ее сестры, которые занимаются благотворительностью, сейчас снова находятся в Тбилиси. Мать Терезу я хорошо знал. Когда я нарисовал ее, она этот рисунок забрала с собой. Скульптуру Матери Терезы с выставки на благотворительном вечере в Большом театре по случаю открытия в Москве первого хосписа наш мэр передал в дар этому хоспису.

Добрый вечер. Поскольку вы в добрых отношениях с Лужковым, почему вы не посоветовали ему не тратить попусту невероятные миллиарды на этот погреб в Охотном ряду, ведь он стоит немалых денег — и никакой отдачи.

— Это кредитные средства, которые этот объект уже оправдал.

— Но все равно эти деньги можно было умнее использовать.

— Можно я скажу? Кредит давали англичане, потому что они хотели тоже выиграть. На эти деньги был создан уникальный комплекс. Эти торговые ряды моментально арендовали люди, от прибыли покрыли английский кредит. Это умнейший ход Лужкова. Раньше по площади бегали машины, кроме грязи, ничего не было. А сейчас из Манежа выходят люди, смотрят на Кремль.

— Но все же это впустую.
— Почему впустую? Я сейчас был в Париже, Ширак устраивал празднование 50-летия Декларации прав человека. Когда увидел меня в зале, подошел и сказал: "Такой Манеж, как у вас, у меня не получится".

— А кто платил за Петра? Это тоже невероятно дорого. Неужели это было так необходимо для города?

— Я не получил гонорар за Петра.

— Я вам верю. Зачем городу такие невероятные деньги без толку?

— Памятник Петру был поставлен к 300-летию российского флота. Деньги давало морское родство. Зато мы ослабляем озлобленность против эпохи, которая для нас очень много значила, — эпохи Петра.

Я к вам отношусь с полным уважением. Но скульптуры, которые в Александровском саду, извините, напоминают "Женщин с веслом" в парках культуры и отдыха сорокалетней давности.

— Нельзя оскорблять наши сказки, которые понятны детям. Я мог, конечно, абстрагироваться, но ведь детям будет непонятно. Поэтому — реализм "от и до". Это делалось для детей. Посмотрите, как их воспринимали дети. Детям нравится. Они узнают своих героев сказок. Мы живем для детей, и если это им нравится — мы радуемся.

Добрый вечер. Существует множество программ, с которыми люди встречают XXI век. Какова ваша программа? Вы президент Российской Академии художеств. С какой программой входит Академия в XXI век?

— Могу, могу ответить. Во-первых — входим с новым уставом. Он включает Екатерининский, то есть прежний устав Императорской академии. Второе — пересматриваем учебные программы и учебные процессы наших художественных вузов. Многие художники изголодались и уже забыли весь процесс осуществления произведения от замысла до его перевода в материал. В программу обучения студентов теперь будет входить практика, чтобы они могли своими руками и отливать в металле, и монтировать, и выплавлять в камне свою скульптуру. Третье — академия и Союз художников России готовят к апрелю большую выставку российских художников и т.д.

Добрый день. Здравствуйте. Это из Ижевска ваши поклонники, Зураб Константинович.

— Очень рад.

— Мне интересно, знаете ли? Детский парк чудес в Нижних Мневниках. Какие виды у вас на него, не знаете, что дальше будет?

— Проектирование продолжается. Юрий Михайлович велел продолжать подготовительные работы. Это находится в плане. Парк нужен нам для будущих поколений детей. Чтобы они были счастливыми.

— Утвердили бюджет в Думе. Я смотрю, денег на это там, конечно, нет.

— Их ищут. Мы должны найти.

— У нас там, допустим, автостанка. Это тысяча человек. Вы с Крылатского будете начинать строить, да?

— Да. Но не волнуйтесь. Пока вас не тронут. До ваших гаражей еще далеко.

Зураб Константинович, хотелось бы узнать, из какой вы семьи происходите?

— Мой отец — инженер, приехал на открытие выставки в Манеже. Ему как раз исполнилось 96 лет, очень хорошо погулял. Можете себе представить: он позвонил двум своим друзьям и был так рад, что они живы. И пригласил их к себе в гости. Говорили всю ночь. Мама моя умерла, она была домохозяйка, работала во время войны на Центральной телеграфной сортировочной. Вот такая, можно сказать, рабочая семья, вовсе не княжеская. Я прораб по натуре.